

ПЕРЕПИСКА КН. Д. И. ДОЛГОРУКАГО

Кн. Д. И. Долгорукій брату.

6 Февраля 1826 года.

Все вошло въ колею, мой добрый другъ. Новое, но спокойное и подробное объясненіе, возстановило меня въ правахъ на довѣріе тѣхъ, кто хотѣлъ лишить меня его. Благодарю тебя за письмо и за твои совѣты, но твоя цитата кажется мнѣ совсѣмъ неудачной, потому что бывають случаи, когда невозможно войти въ соглашеніе ни съ людьми, ни съ обстоятельствами. Я знаю свѣтъ, замѣчаю его недочеты и охотно прощаю ихъ ему, но нельзя со всѣмъ мириться.

Настойчивость въ убѣжденіяхъ, въ *известныя минуты* является средствомъ поддержать своихъ права и желанія; молчаніемъ, правда, можно много выиграть, но еще большаго можно достигъ твердостью характера. Однимъ словомъ, я доволенъ своимъ поведеніемъ, потому что оно неизмѣнно приводило меня къ желанной цѣли, и, повторяю, все вошло въ свою колею. Посылаю тебѣ московскія письма, они странно ничтожны при тѣхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ мы живемъ. Дѣло идетъ не о постоянномъ проявленіи взаимныхъ нашихъ чувствъ: нужно заимствовать въ самомъ жизненномъ движеніи, въ любопытныхъ и полезныхъ отношеніяхъ, и я нахожу, что Антонинѣ слѣдовало бы потрудиться сообщить намъ все, происходящее въ Москвѣ при такихъ странныхъ и замѣчательныхъ обстоятельствахъ. Однимъ словомъ, все это могло бы быть гораздо лучше, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ.

Сегодня я вернулся въ четыре часа утра съ бала французскаго Посланника. Тамъ были чудесныя маски. Двѣ Маріи Стюартъ, одна

еще наслѣдницей, другая Шотландской королевой. Лэди Даусъ была великолѣпна въ платьѣ этихъ временъ англійской исторіи. Была Агнеса Сорель—мадамъ Сентъ-Олэръ; ей можно было дать двадцать лѣтъ. Очаровательна! Французскій рыцарь, съ девизомъ *Она одна*, и въ высшей степени красивые греческіе костюмы. Наконецъ то мы дожили до послѣдняго дня масляницы, и завтра жизнь пойдетъ тихо, правильно и уныло. Я до Пасхи запрუსь въ свою берлогу и буду выходить только для того, чтобы послушать божественные звуки чуднаго *mise-re-re*. Во всѣхъ отношеніяхъ я считаю, что это послѣдняя зима, которую я провожу въ Римѣ, и не обращаясь больше къ С..., котораго я считаю ничѣмъ инымъ, какъ ловкимъ и жестокимъ дѣльцомъ, я направлюсь къ своей цѣли болѣе вѣрными путями. Вчера я читалъ твой докладъ Италинскому. Старикъ ничего мнѣ не сказалъ; онъ перебиралъ старыя бумаги, и только повторялъ: умерь, умерь, умерь!... дѣлая длинныя промежутки между каждымъ восклицаніемъ. Всѣ мы посѣщаемъ балы и театральныя представленія, и ты могъ бы дѣлать то же самое, не предаваясь обществу всецѣло. Прощай, дорогой Другъ, аккуратно извѣщай меня о полученіи моихъ писемъ и люби того, кто всегда тебя любитъ.

Вторникъ.

Очень благодаренъ за письмо, дорогой мой другъ. Въ немъ есть подробности, болѣе или менѣе любопытныя для меня. Можно было предвидѣть исторію бѣдной Аннетъ. Англія вышла изъ береговъ; материкъ наводненъ англичанами безъ имени, безъ положенія, безъ состоянія, путешествующими для того, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ и надъ всѣми насмѣхаться. Прекрасный урокъ для мадамъ В, такъ глубоко погрузившейся въ интриги! Ты спрашиваешь меня, что это за туманный образъ дѣйствій. Такъ вотъ! она хотѣла убѣдить мадамъ де Мену въ томъ, что ты былъ влюбленъ въ Аннетъ, но что она и не подозрѣвала этого, но ты все таки видался съ ней; а она всѣми силами старалась устроить вамъ свиданія наединѣ. Твоя служба у Италинскаго все объясняетъ; онъ былъ очень доволенъ, но когда я сказалъ ему, что Румянцевъ умеръ—Кто вамъ написалъ!—спросилъ онъ меня:—Братъ.—А почему же онъ мнѣ ничего не сказалъ?—Таковъ старикъ! онъ все хочетъ знать, и все изъ первыхъ рукъ. Все таки ты могъ бы какъ нибудь написать ему въ отдѣльномъ письмѣ всѣ болѣе значительныя новости; это доставитъ ему удовольствіе. Сегодня утромъ я пошлю Демидову *пропускъ* для Орлова, и прошу тебя не упустить такого прекраснаго случая, чтобы переслать мнѣ книги Макиавелли,

Челлини и т. д. Умоляю, никогда не присылайте мнѣ ничего черезъ Піапите, потому что получить ихъ черезъ государственную таможенную все равно, что вычерпать море ковшомъ. Пожалуйста пришли мнѣ съ нимъ же (Орловымъ) еще рукопись нашей бабки. Ты просишь у меня мой портретъ, добрый другъ; тотъ ли, о которомъ я говорилъ кузинѣ? Тотъ самый, который долженъ быть передъ глазами у Пери? Ахъ, Мишель, ты требуешь слишкомъ большой жертвы; онъ уже упакованъ, но *къ веснѣ* я обѣщаю прислать тебѣ чудное изображеніе моей особы, и если ты скажешь мнѣ, въ какой позѣ ты хочешь видѣть меня—такъ и будетъ сдѣлано. Слухи, касающіяся госпожи де Мену, совершенно ложны. Она все еще любитъ своего еврея и не знаетъ, какъ отъ него избавиться. Сначала онъ сопровождалъ ее повсюду, но все иностранное общество Рима такъ неодобрительно смотрѣло на это, что этого жидка никто не хотѣлъ принимать, и чудной парочкѣ пришлось вести себя осмотрительнѣе. Послѣ того, какъ мы ближе узнали госпожу К., почти прославившуюся своимъ умомъ, и госпожу де Сентъ-Олэръ, это чудо любезности, госпожа де Мену кажется намъ самой обыкновенной женщиной! Госпожа де Сентъ-Олэръ чувствуетъ очень глубоко, но ловко прячетъ это въ сіяніи своего дивнаго ума; она очень глубокой человѣкъ, страстно любитъ нѣмецкій языкъ и *сама* написала предисловіе или вѣрнѣе разборъ Фауста! Переводъ, написанный ея мужемъ, былъ изданъ въ Парижѣ и имѣлъ всемірный успѣхъ. Въ Парижѣ ихъ общество состоитъ изъ самыхъ извѣстныхъ писателей. Ламартинъ обязанъ ей своими первыми успѣхами, потому что въ ея гостиной онъ читалъ свои первые стихи. За то онъ и оказалъ ей самую трогательную признательность, доказательства которой я видѣлъ въ нѣкоторыхъ его письмахъ. Между прочимъ, находка для моего драгоценнаго собранія подписей. Итакъ, г-жа де Сентъ-Олэръ, во время своего пребыванія въ Римѣ отличила меня среди другихъ; мы съ ней бесѣдовали о библии, и она допустила такую откровенность, которую я вполне оцѣнилъ. Она очень религіозна. Иногда мы бесѣдуемъ о бренности всѣхъ вещей.—„Все проходитъ! Да, все проходитъ! сказала я ей какъ то разъ, увлеченный или, скорѣе, согрѣтый разговоромъ съ ней.—Все сглаживается въ памяти людей. И часто, что намъ остается отъ затерявшейся въ вѣчности минуты?—Ничего!“—Не нужно такъ думать,—отвѣчала мнѣ эта прелестная женщина.—Все проходитъ, потому что не все исходитъ изъ святыхъ источниковъ! Конечно, ни шумъ карнавала, ни суета сего міра не безсмертны, но часы, проведенные въ задушевной бесѣдѣ, когда душа раскрывается безъ боязни, безъ недовѣрія, эти часы *безсмертны* въ памяти людей.“—Я такъ странно говорю съ тобой объ этой женщинѣ, для того, чтобы ты

имѣлъ о ней какое нибудь представленіе, такъ какъ впослѣдствіи ты увидишь ее во Флоренціи. Кромѣ того у тебя будетъ общество французенки, и отъ этого ни свѣтъ ничего не потеряетъ, ни дьяволъ ничего не выиграетъ. Теперь прошу тебя объ одномъ: не предполагай, что я влюбленъ, потому что, и не будучи влюбленнымъ, можно отлично разговаривать другъ съ другомъ. Одно время мы были въ ссорѣ съ г-жей Сентъ-Оларъ, такъ какъ я позволилъ себѣ въ ея присутствіи *оскорбить* женщину. Она при всѣхъ горячо упрекала меня, и съ тѣхъ поръ ея отношеніе ко мнѣ замѣтно измѣнилось. Послѣ этого я не менѣе уважаю ее и восхищаюсь ею. Успѣхъ у такой милой и извѣстной женщины льститъ моему самолюбію. Гаг. боленъ и въ очень плохомъ настроеніи духа. А что ты скажешь объ обѣщаніяхъ *Муравьевыхъ*? Какая глупость!

Я не получаю больше писемъ изъ Лозанны.... и кажется просьба о нихъ не имѣетъ и не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій. Это меня ужасно беспокоитъ. Это опрокидываетъ вверхъ дномъ всѣ мои планы, сердитъ и приводитъ меня въ очень дурное расположеніе духа. Вчера я написалъ Пери, этому ангелу, котораго я ставлю выше всѣхъ *Святыхъ* въ свѣтѣ. Буду поменьше говорить объ этомъ! Прощай, отъ души цѣлую тебя. Почтительно кланяюсь г-жѣ Лотцъ. Она очень любезная особа, эта ваша флорентійская жемчужина. Я нисколько не отрекаюсь отъ письма Мэстра, потому что теперь, когда обстоятельства настолько измѣнились, миновала опасность, что его мнѣ вручили. Петру кланяюсь рабски!—

Дорогой, прекрасный другъ. Я получилъ твое письмо № 16, прочелъ всѣ твои жалобы относительно того общества, которое ты посѣщаешь и которое за все твое усердіе выказываетъ тебѣ такъ мало признательности. Помочь этому можно различными способами. „Я знаю обѣихъ матронъ: онѣ способны на все то, о чемъ ты пишешь мнѣ. Г-жа В. положительно невыносимая женщина и ей очень трудно понравиться, если не соглашаться съ ней во всемъ.“

Что касается гр. Б., то ея поведеніе огорчаетъ меня, и если дѣла обстоятъ такъ, какъ ты мнѣ ихъ изображаешь, и твое воображеніе въ минуту досады не преувеличиваетъ ихъ, то мое мнѣніе таково, что тебѣ слѣдуетъ прекратить на время свои посѣщенія и посмотреть, какое впечатлѣніе произведетъ это въ ихъ кругу. Но, главнымъ образомъ, ни въ коемъ случаѣ не спорь, пусть ихъ сплетничаютъ, пусть

судять вкривъ и вкось. И все таки какъ можно чаще соглашайся съ ними. Замѣть, дорогой мой другъ, что никакой споръ ни о чувствѣ, ни о какомъ нибудь научномъ вопросѣ не имѣеть успѣха *въ обществѣ*. Ему нужны пустячки, глупости, новости.—Все, что касается философіи, души, требуетъ кружка близкихъ людей, *одного*, самое большее двухъ лицъ. Г-жа Б. считаетъ себя безконечно умной женщиной; она хочет *покровительствовать* молодежи—и думаетъ, что теперь та же молодежь, которая была прежде. Бьюсь объ закладъ, что она не считаетъ тебя гордымъ. Еще разъ повторяю, если съ *тобой поступятъ грубо*, лучше охладѣть, но *безъ полного разрыва*. Достаточно ли вниманія оказываешь ты Графинѣ-матери? Твои юные товарищи не выказываютъ достаточно усердія къ преувеличеннымъ любезностямъ этихъ дамъ? И, почему знать, онѣ можетъ быть думаютъ, что ты въ союзѣ съ ними! Елизавета давно невѣста; это чудное дитя, но можетъ ли она когда нибудь подняться до той высоты, на которой находится Пери. Горе тому, кто вздумаетъ приблизиться къ ней! Это вода и пламень. Немного ума, много холодности и пріятное личико рядомъ со взорами, полными огня, и пламенной душой. Г-жа Аннетъ *довольно хитрый* ребенокъ, забавляющійся на сколько можно; я нисколько не удивлюсь, если придется услышать, что она стала супругой перваго толстоизма, который попался ей на глаза, или, вѣрнѣе, на глаза ея теткѣ. Итакъ, думаешь ли ты, что если бы Пери вошла въ это общество, она сдѣлалась бы мученіемъ для всѣхъ его членовъ. На нея набросились бы и по сто разъ въ день ставили бы въ смѣшное положеніе. Ахъ, тяжело спуститься съ Неба и на землѣ захирѣть, найдя его вновь. Завтра я напишу гр. Бутурлиной. Упомянувъ о тебѣ, скажу, что ты въ восторгѣ отъ нея, и подъ конецъ попрошу ее быть твоей *покровительницей*. Ты, конечно, понимаешь, что я дѣлаю это для того, чтобы скрыть свои карты; она мнѣ отвѣтитъ; можетъ быть, будетъ говорить о тебѣ и тогда мы увидимъ, какой выводъ можно будетъ сдѣлать. Не нужно казаться сердитымъ; удовольствіе должно быть всегда написано на твоемъ лицѣ: вѣдь въ концѣ концовъ отъ сущности поведенія зависитъ и рѣшается *все*. Ради того помни всегда, что отношенія и, особенно, взгляды мѣняются, а что по мѣсту службы тебѣ всегда придется сталкиваться съ Б.... Представь себѣ, что ты путешествуешь вокругъ свѣта, и тогда тебѣ часто придется переживать бури.— Я понимаю страданія и осторожность доброй мадемуазель Лотцъ: она воспитала душу своего ученика; свѣтъ дастъ ему другое воспитаніе, воспитаніе ума: двумъ силамъ, которыя взаимно уравниваются, трудно долго оставаться въ покоѣ. Я видѣлъ госпожу Хитрову. Не сожалѣй объ обществѣ этихъ женщинъ: ихъ мать вульгарная женщина,

а объ малютки—рабыни своей матери. Еще разъ вспомнимъ Пери и сознаемся, что ангеловъ можно встрѣтить только на высотахъ персидскихъ горъ. Но, увы! Какъ быть? Ни одного письма, и мое безпокойство растеть, какъ темнота послѣ захода солнца. Твоя новость была бы хороша, если бы она была вѣроятна. Я получилъ карту, книги, но бритвы тамъ нѣтъ. Гагаринъ передалъ мнѣ письмо Бутурлина, не сказавъ ни слова о твоёмъ письмѣ. Италинскій такъ же заботится о пріѣздѣ Ламартина, какъ я о жизни, которая существуетъ въ созвѣздіи Плеядъ. Онъ не выносить ни поэтовъ, ни стиховъ, и какъ же понравится ему въ мірѣ возвышеннаго, когда такъ хорошо извѣстно вліяніе міра матеріальнаго!—Я знаю, что на меня долго сердились за тѣ немногіе стихи, которые я написалъ за всю свою жизнь—и я навѣки замолчалъ объ этомъ предметѣ. Какъ быть, когда тебя окружаютъ души, не имѣющія ни капли вдохновенія, у которыхъ есть пыль только для злости, а умъ только для злословія? Они не удостоиваютъ бросить даже бѣглаго взгляда на томики Мэстра, потому что находятъ подобныя произведенія нестоящими вниманія человѣка науки. Несчастные! Это происходитъ потому, что они сами сознаютъ, что у нихъ нѣтъ души для того, чтобы почувствовать, и очень немного ума для того, чтобы оцѣнить эту совершенно неподходящую для нихъ книгу. Я беру на себя написать тебѣ о Ламартинѣ.

27 Ноября.

Прости меня, дорогой мой другъ, за безразсудство,—я сказалъ тебѣ о томъ вложенномъ письмѣ, котораго вовсе не посылалъ. У меня голова шла кругомъ, въ то утро было слишкомъ много занятій. Ваши увеселенія растутъ съ каждымъ днемъ, и кажется, г-жа Бомбелль царица вашихъ празднествъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что молодые кузены могли бы избавить себя отъ труда давать балы и лучше поберегли бы свое здоровье, которое, какъ говорятъ, очень плохо. Слухи о вашихъ празднествахъ не доходятъ до насъ, и я могу тебя увѣрить, что они не смущаютъ спокойнаго и серьезнаго лица нашего добраго старика Италинскаго. Право, наша римская жизнь разыгрывается какъ по нотамъ; это море, незнакомое съ бурями, но ему хорошо извѣстна вѣроломная тишина. Косе..... вернулся изъ Неаполя, Гагаринъ еще на недѣлю останется въ Сіеннѣ. Я думаю, что послѣ его возвращенія состоится наше общее представленіе и я съ нетерпѣніемъ жду отъ тебя отвѣта на мое послѣднее письмо, въ которомъ я подробно говорилъ о своихъ политическихъ взглядахъ и способахъ, которыми я думаю лучше всего уладить дѣла. Я почти убѣжденъ, что для того,

чтобы легче всего добиться успѣха, нужно прямо написать Гагарину. Его всегда можно побѣдить откровенностью. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ въ отличномъ расположеніи духа и странно любезенъ со мною, и я думаю, что *при благопріятныхъ условіяхъ* это былъ бы прекраснѣйшій въ мірѣ характеръ. Въ послѣднемъ письмѣ Пери говоритъ, что здоровье Графини плохо, она ведетъ образъ жизни мало соотвѣтствующій ея силамъ. Парижскіе дожди и туманы не годятся для такого слабаго здоровья, какъ ея. Ей дѣйствительно нужно было бы поселиться въ Римѣ, гдѣ мягкость воздуха сохраняетъ, а не подрываетъ силы (легкихъ), гдѣ одинъ прекрасный день дастъ здоровья на цѣлые годы. Наша Каролина жалуется на парижскую жизнь, она предпочитаетъ развалины Рима и величественныя горы Швейцаріи. Представь себѣ, что маленькій Ломоносовъ воспѣваетъ парижское общество. Разумовскіе проводятъ зиму во Франціи. Но я не могу скрыть отъ тебя, мой милый Рафаэль, что они повидимому сожалеютъ о томъ, что рѣдко получаютъ отъ тебя извѣстія, и мнѣ было бы очень тяжело видѣть, если тебя захотятъ упрекнуть въ небрежности по отношенію къ тѣмъ, кто долженъ всецѣло поглощать наше вниманіе. Графиня Собѣсская очень хорошо танцуетъ свою мазурку, но это настоящій бичъ флорентійскаго общества. Въ мое время молодежь каждое утро отправлялась къ ней, а ея гостиная была школой самой непристойной болтовни; это интригантка, какъ всѣ польки, сплетница, какихъ нѣтъ. Ну, какъ же ты чувствуешь себя въ союзѣ съ Бутурлиными? Не правда-ли, это лучший случай, чтобы противостоять враждебной сторонѣ? Подарокъ Демидова разрѣшаетъ мнѣ, дорогой мой другъ, согласно нашему уговору возвратить тебѣ къ новому году твою прелестную булавку. Ась?— Я надѣваю ее каждый день, и каждый день она доставляетъ мнѣ большое удовольствіе.

Мой туалетъ сдѣлался скромнѣе, какъ никогда, я больше не завызываю галстукъ на подобіе Ніагары, но расправляю его вѣеромъ, и мой поношенный костюмъ придаетъ мнѣ видъ совершеннаго старика. Многое зависитъ отъ себя, и тотъ, кто меня зналъ въ ранней молодости, принялъ бы меня совсѣмъ за другого человѣка, видя мою мѣрную и важную посадку и слушая мои скромныя и мудрыя рѣчи, *въ присутствіи Италискаго* (каково бытъ).

Но каково мѣняться передъ лицомъ человѣка, *который знаетъ все*, которому 83 года отъ роду, который всегда окруженъ толстыми книгами, арабскими, персидскими и китайскими?— Скажи гр. Бутурлину, что я при первомъ удобномъ случаѣ пришлю его книгу, а также

и слѣдующую порцію табаку; но въ то же время напомни ему, что и онъ былъ такъ добръ, что обѣщалъ прислать мнѣ одну книгу, и что я ею очень дорожу, такъ какъ мнѣ невозможно получить сочиненіе, необходимое для моихъ занятій.

Надѣюсь, что твое обѣщаніе раздобыть мнѣ что нибудь, написанное рукой Ламартина, не останется безъ послѣдствій, но я не хотѣлъ бы, чтобы это было изъ его „Бабочки“, а предпочитаю слѣдующее размышленіе (X-ое).

Et je dis: ce n'est qu'un songe
Que le bonheur qui doit fuir.—

Г-жа Сентъ-Олеръ хорошо знакома съ нимъ. Она обѣщала достать мнѣ любопытныя надписи, настолько же достойныя вниманія, какъ и она сама. Этимъ я хочу все сказать. Мнѣ подарили записку *Лаланда*. Цѣнное приобрѣтеніе! Знаешь ли, у меня есть планъ пріѣхать на двѣ недѣли во Флоренцію, и я только сплю и вижу, что увидѣть тебя? Затѣмъ я устроилъ такъ, что твое пребываніе въ Римѣ совпадетъ съ пріѣздомъ двоюродныхъ братьевъ на масляницѣ, и рассчиталъ, что ихъ экипажъ будетъ намъ очень полезенъ на время празднествъ этихъ дней.

Ты не можешь составить себѣ никакого представленія о масляницѣ въ Римѣ, а такъ какъ ты не можешь пробыть у насъ долго, то нужно знать, что бы ты предпочелъ видѣть изъ масляничныхъ развлеченій,—или великолѣпную службу святой недѣли, или конскія состязанія, или божественное *miserere*, и т. д. Я исполнилъ твое порученіе къ Е. Высочеству Герцогу Луккскому. Будетъ ли какой нибудь отвѣтъ относительно Ботта?—

Ахъ, если бы ты зналъ, дорогой другъ, какъ легко дышится подъ дивнымъ небомъ римской деревни! Если бы можно было соединить здѣсь все, что мы любимъ!

Прощай.

Графиня, дорогой другъ мой, уѣхала изъ Рима во вторникъ вечеромъ.

Въ день отъѣзда она получила твою посылку съ австрійскимъ гонцомъ. Въ восторгѣ отъ обладанія своимъ альбомомъ, она на минуту была такъ разстроена, что дѣло кончилось цѣлымъ потокомъ слезъ. Она поручила мнѣ передать тебѣ, что безконечно благодарна и готова

была бы ѡхать черезъ Флоренцію, чтобы повидаться съ тобой, но военный совѣтъ увлекъ ее въ другую сторону, и несмотря на то удовольствие, которое имѣла Пери, еще разъ удостовѣрившись въ ея дружбѣ, на самомъ дѣлѣ искренней, онѣ поѣхали черезъ Ларетту, Анкону и Вѣну, откуда я получу отъ нихъ первыя вѣсти. А пока все готово для моего путешествія, и я прошу тебя встрѣтить меня во вторникъ утромъ, во время прихода почты, потому что я выѣду въ воскресенье. И привезу тебѣ отъ милой кузины кошелекъ ея работы и очень красивую золотую цѣпочку, сплетенную жгутомъ. Она и мнѣ дала цѣпочку, въ родѣ этой, и каждый день дѣлала мнѣ все новые подарки. Всѣ любятъ тебя и кланяются тебѣ.

При свиданіи я расскажу тебѣ множество вещей, очень любопытныхъ для тебя. Съ сегодняшней почтой я ничего отъ тебя не получилъ. Мнѣ поручили передать тебѣ, что тебѣ было бы недурно. если бы ты написалъ ко двору о смерти Полины Боргезэ и послалъ выдержку изъ ея завѣщанія, весьма любопытнаго, а, главное, ты получилъ бы возможность удостовѣрить этимъ подлинность его.

Италинскій ждетъ того же доклада.

16-го Іюня.

Мнѣ совершенно нечего сообщить тебѣ,—ни любопытнаго, ни новаго.

Вотъ черновикъ письма, написаннаго и посланнаго мною доброй Свѣчиной. Въ подлинникѣ есть нѣкоторыя измѣненія, касающіяся больше слога, чѣмъ содержанія моего письма. Моя жизнь подобна игрѣ человѣка, у котораго постоянно дурныя карты,—нужно переменить и карты, и мѣсто.

Повидимому тебѣ нечего сообщить мнѣ, потому что вчерашняя почта не принесла мнѣ извѣстій отъ тебя.

Сегодня я посылаю длинное посланіе къ Пери, но сомнѣваюсь, чтобы оно еще застало ее въ Лозаннѣ; кузина намѣревалась уѣхать изъ Швейцаріи въ концѣ этого мѣсяца. Когда же наконецъ пріѣдутъ милые Голицыны, у которыхъ есть порученіе къ Пери? Не забудь прислать мнѣ книги; какъ только онѣ будутъ у тебя, пришли ихъ съ австрійскимъ гонцомъ.—Если бы ты зналъ, до какой степени умень-

сердить и добръ мой *Сиди!* Я дразню его всѣми, пріучаю прислушиваться къ малѣйшему шуму; нужно, чтобы онъ былъ золь, какъ дьяволъ.—Есть ли чтонибудь новое въ дѣлѣ твоей женитьбы? Тебя все еще преслѣдуютъ? Папѣ все лучше и лучше. Если я еще не посылалъ тебѣ вѣрительныхъ грамотъ, которыя ты такъ настойчиво просишь, такъ это потому, что кн. Гагарина всѣ эти дни не было въ Римѣ. Ты получишь ихъ по почтѣ во вторникъ.

Получилъ ли ты третью посылку табаку? Это порученіе очень стѣсняетъ меня, но, къ сожалѣнію, отъ него нельзя такъ скоро отказаться.—Пока ты купаешься въ сѣрныхъ водахъ, я утоляю жажду кислыми настойками.

Я много хожу, и посѣщаю главнымъ образомъ свои любимыя церкви во время вечернихъ сумерекъ. Этимъ я преодолеваю свое горе для того, чтобы и среди величайшей скуки и тоски найти средство противъ.

Г-жѣ Свѣчиной.

Сударыня.

Разрѣшите мнѣ прервать молчаніе и тысячу разъ просить у васъ извиненія за то, что я такъ долго хранилъ его. Мнѣ было бы очень горько вызвать у васъ непріятныя воспоминанія, и я очень желалъ бы чаще писать вамъ, если бы все окружающее такъ не располагало меня къ молчанію! Было бы бесполезно заставить васъ выслушивать жалобы на мою неблагодарность за пребываніе въ Римѣ, гдѣ дни проходятъ въ бездѣйствіи, ни съ чѣмъ не сравнимомъ. Съ ангельскимъ терпѣніемъ жду какогонибудь рѣшенія изъ Министерства, и не дѣлаю никакихъ шаговъ, изъ боязни показаться назойливымъ. Моя двоюродная сестра Шувалова по всей вѣроятности поѣдетъ на зиму въ Парижъ; это обстоятельство даетъ мнѣ смѣлость попытать счастья, чтобы пріѣхать къ ней и употребить одинъ годъ на занятія, необходимости въ которыхъ никто такъ сильно не чувствуетъ, какъ я, и для которыхъ нѣтъ болѣе удобнаго мѣста, какъ Парижъ.—Мои средства и общественное положеніе Вамъ извѣстны, сударыня.

Уже не въ первый разъ я обращаюсь къ Вамъ съ просьбой о посредничествѣ.

Не будетъ ли возможно причислить меня къ посольству въ Парижъ, хотя бы и сверхъ штата, но съ сохраненіемъ тѣхъ чегырехъ

тысячъ франковъ оклада, которыя я получаю здѣсь, хотя бы на мѣсто, не выше аташэ; а Ваше пребываніе въ Парижѣ, сударыня, какое это преимущество для меня!—Я утѣшаюсь тѣмъ, что Вамъ угодно было сохранить хорошее мнѣніе обо мнѣ, и посвящая свое время службѣ, я постараюсь все больше и больше заслужить Ваше расположеніе и одобреніе. Надѣюсь, что лицо, которое хлопотало о возвращеніи въ Константинополь, нельзя заподозрѣть въ поискахъ мѣста въ Парижѣ. Но прежде всего я обращаюсь за совѣтомъ къ Вамъ, сударыня, и хочу знать Ваше мнѣніе.

Это мнѣніе будетъ руководить моимъ поведеніемъ.

Милостивому Государю

Князю Рафаилу Долгорукому Секретарю Всероссийскаго Императорскаго Посольства

во Флоренціи.

22 Сентября, четвергъ.

Ждалъ прихода утренней почты, чтобы отвѣтить тебѣ, дорогой другъ.

Я могу сообщить тебѣ любопытныя новости, которыя ты найдешь въ концѣ письма. Твое сегодняшнее письмо касается только служебныхъ соображеній. Увы! милый мой Рафаэль, мы смотримъ на вещи съ противоположныхъ сторонъ. Ты не одобряешь мою просьбу о переводѣ въ Парижъ, а недостатокъ денежныхъ средствъ считаешь препятствіемъ, которое трудно преодолѣть. Я думалъ объ этомъ, но въ жизни бываютъ случаи, когда какимъ бы то ни было образомъ нужно порвать съ прошлымъ. Не буду скрывать отъ тебя, да это было бы и бесполезно, что я очень желалъ бы снова видѣть кузину и Пери, но это вовсе не единственная цѣль моихъ стремленій. Я хочу заниматься.

Парижъ—такое мѣсто, гдѣ я найду всевозможные факультеты, а знаешь ли ты, что я лучше хотѣлъ бы служить сверхштатнымъ чиновникомъ, чѣмъ бесполезно коптить небо.

Свѣчина такой человѣкъ, который сумѣетъ меня понять, и воспользуется моимъ письмомъ постольку, поскольку найдетъ это

необходимымъ. Северинъ—свѣтскій человѣкъ, общается много, а дѣлаетъ мало. *Я никогда больше не буду обращаться къ нему.* Еще разъ повторяю тебѣ, я знаю себѣ цѣну, и знаю, на что я способенъ. Мнѣ тяжело проводить въ бездѣйствіи лучшіе годы. Время покажетъ, подходит ли для меня та служба, которую я выбралъ.

Теперь я могу тебѣ болѣе подробно сообщить отвѣтъ Италинскаго относительно твоей просьбы, потому что маленькая записка была написана на спѣхъ и почти подъ диктовку Гагарина, и я спѣшу сказать тебѣ, что тебя очень хотѣли выручить, но что не хватало только рѣшенія.

Анна ничего не дѣлаетъ и ничего не спрашиваетъ, но если у тебя есть охота поѣхать въ Лукку, найди какія нибудь особыя средства, присоединись къ кому нибудь, чтобы отправиться вмѣстѣ.

Совѣтую тебѣ никогда не говорить о политикѣ съ Бутурлиной—матерью. Въ этомъ отношеніи она круглая невѣжда, и всѣ ея взгляды, какъ на дипломатію, такъ и на все, что происходитъ на нашей родинѣ, ложны. Я, какъ и ты, ненавижу ихъ взгляды на религію, и это преграда, которая вѣчно будетъ стоять между нами. Прилагаю сюда вѣрительныя и засвидѣтельствованныя грамоты.

Д. Д.

Мѣсто въ Карлеруэ освободилось, и Сверчковъ просилъ его для Нессельродѣ. Гагаринъ съ своей стороны хлопочетъ о мѣстѣ Туля, въ Америкѣ: онъ наканунѣ смерти. Поэтому можно полагать, что Сверчковъ безъ малѣйшихъ затрудненій получить назначеніе въ Бадень, и я очень боюсь, что на его мѣстѣ будетъ Гагаринъ. Все, что мнѣ извѣстно, это то, что онъ не останется недоволенъ, и что онъ *очень* рассчитываетъ на это, какъ на послѣднее средство.

Мы съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, всегда и во всемъ откровенны. Все, что я говорю тебѣ сейчасъ, есть краткій выводъ изъ его словъ.

Папа очень плохъ.

Пришли мнѣ съ первымъ австрійскимъ гонцомъ географическую карту, которую я одолжилъ тебѣ, умоляю тебя объ этомъ, и будь такъ добръ, скажи Бутурлиной, что я очень хотѣлъ бы прислать ей ея бумагу, образчикъ которой я потерялъ.

Я опять въ своемъ логовищѣ, дорогой другъ. Сегодня утромъ, едва отдохнувши послѣ дороги, я услыхалъ звукъ погребальнаго колокола въ общинѣ, находящейся противъ моихъ оконъ. Все, все сказало ужасный звукъ!... Улицы опустѣли, новости вдругъ изсякли, забавы и удовольствія сразу изгнаны изъ римскаго общества. Здоровье мое опять хромаетъ. Я чувствую себя усталымъ, утомленнымъ всѣмъ окружающимъ, не имѣю ни малѣйшей охоты нравиться кому бы то ни было. Я поступилъ неправильно, такъ скоро возвратившись въ Римъ, потому что меня вовсе не ждали съ нетерпѣнiемъ, и только лакеи обрадовались мнѣ, потому что рассчитывали поздравить меня съ благополучнымъ возвращенiемъ. Я прiѣхалъ сегодня въ половинѣ четвертаго. Въ дорогѣ днемъ я читалъ римскія таблицы, книгу, въ которой правда наполовину перемѣшана съ ложью.

Но какъ только заходило солнце, я свертывался комочкомъ въ углу кареты и тогда, властелинъ своихъ думъ, переносился мысленно то въ Лозанну, эту страну горъ, гдѣ теперь живетъ Пери; то въ среду милыхъ обитателей Casa Ambrogia.—Я былъ тамъ душою и умомъ.— Г-жа Аннетъ плѣвила меня, а г-жа Лотцъ—одна изъ тѣхъ рѣдкихъ личностей, встрѣча съ которыми въ этомъ подломъ свѣтѣ можетъ считаться счастьемъ. Она немного предубѣждена противъ общества, но должна ли женщина искать въ немъ успѣха! Италинскiй встрѣтилъ меня очень хорошо, ни упрековъ, ни недовольства! Спрашивалъ, что у тебя новаго, и я буквально повторилъ ему слова, составленныя во Флоренціи; онъ повидимому былъ доволенъ. У него болитъ нога, она сильно распухла. Дурной признакъ! Гагаринъ уѣхалъ въ Сиенну. У него есть планъ помѣстить тамъ дѣтей въ учебное заведеніе.

Онъ дѣлаетъ это по необходимости: ему придется какъ нибудь вывернуться.

Его жена показалась мнѣ подавленной и грустной. Въ Римѣ все печально! Я всю дорогу голодалъ, потому что эти проклятые гонцы не имѣютъ ни малѣйшей жалости ни къ жадѣ, ни къ голоду своихъ дорожныхъ жертвъ. По всей вѣроятности, это письмо застанетъ тебя на водахъ, въ обществѣ, членомъ котораго я былъ когда-то, среди людей, которые не гнушались общенiемъ со мной. Кланяйся отъ меня всѣмъ.

Какъ только я отдохну съ дороги и когда обстоятельства позволятъ это, я не премину заниматься разной перепиской и напишу письмо гр. Воронцовой, чтобы поблагодарить ее за дружеское расположеніе ко мнѣ. Свои комнаты я засталъ въ полномъ безпорядкѣ: книги на полу, бумаги разбросаны по столамъ, кровать пуста. Моего слугу увѣрили въ томъ, что я умеръ. Я испугалъ его, какъ выходецъ съ того

свѣта. Такъ исчезаетъ память о насъ на этой землѣ, жизнь которой тоже кратковременна!

Раскрывъ чемоданъ, я не нашелъ тамъ бритвы. Вѣроятно, Петръ забылъ ее въ суматохѣ передъ отъѣздомъ.—Я готовъ притвориться больнымъ, какъ Брунsvикъ, для того, чтобъ врачи послали меня на воды въ Лукку. У меня были большія затрудненія въ таможенѣ. Я всегда путешествую съ пропускомъ; сіенская дорога уныла, мало населена, однообразно,—а Тоскана, повсюду представляющая изъ себя пріятный видъ обширнаго сада, въ этомъ мѣстѣ кажется страной, покинутой людьми. Здѣсь мнѣ говорили, что появилась книга, озаглавленная „Жизнь Папы Льва XII“. Поищи, разбудь ее и тотчасъ же пришли ее мнѣ частнымъ образомъ.

Сегодня въ полдень здѣсь разстрѣляли трехъ разбойниковъ, а четвертаго изъ ихъ шайки ждетъ та же участь.—Мое бѣлье въ самомъ безотрадномъ видѣ.

Гдѣ взять денегъ, чтобы сдѣлать себѣ новое? Печальныя обстоятельства! Посылаю тебѣ сегодня собственноручное письмо Вольтера. Покажи его гр. Воронцовой: она сумѣетъ разрѣшить вопросъ—настоящее оно или подложное. Бьюсь объ закладъ, дорогой Рафаэль, что какъ только я уѣхалъ изъ Флоренціи, ты тотчасъ же пошелъ въ лавочку ѣсть мороженое. Въ дорогѣ я съ отчаянія съѣлъ четыре лимона, мнѣ очень хотѣлось пить, и у меня до сихъ поръ болитъ горло. Увы! Гдѣ счастливое время, проведенное въ Луккѣ? Несчастное свойство воспоминаній! Мученіе и прелесть жизни! Прощай, да благословить тебя Богъ; передай отъ меня привѣтъ мадемуазель Аннетъ, доброты которой съ каждымъ днемъ все сильнѣе запечатлѣвается у меня въ памяти; и не забудь сказать г-жѣ Лотцъ, что она можетъ рассчитывать на мою сердечную признательность. Цѣлую darling'a.

11 сего Августа.

Сообщай мнѣ пожалуйста изъ Лукки объ всѣхъ сплетняхъ г-жи Мену, которая говоритъ, какъ пѣтухъ, не думая о томъ, что говорить. А г-жа де Мену никогда не бываетъ довольна ни собой, ни другими и т. д., и т. д.

Вчера утромъ мы присутствовали на заупокойной обѣднѣ по умершемъ неаполитанскомъ королѣ. Къ концу обѣдни въ церкви загорѣлись занавѣси. Всѣ бросились къ выходу, а такъ какъ огонь появился очень близко отъ дипломатической трибуны, то секретарь посольства Сардиніи, въ качествѣ представителя морской державы, бросился его тушить. Онъ отдѣлался ожогомъ на рукѣ, а само событіе не имѣло никакихъ печальныхъ послѣдствій.

Во время моего отсутствія г-нъ Бомбелль далъ мнѣ порученіе къ Женотту, который въ настоящее время управляетъ дѣлами Австріи. Нужно было попросить фактическую сторону болѣзни Брунсвика. Женоттъ извѣстилъ мнѣ, что охотно сдѣлаетъ это и пришлетъ г-ну Бомбелль тѣ же указанія на счетъ постепеннаго развитія его болѣзни, какія онъ передалъ Двору; свѣдѣнія, доставленныя врачами, лѣчившими Брунсвика въ Римѣ.

Сдѣлай мнѣ одолженіе, передай все въ точности г-ну Бомбелль. Съ сегодняшней почтой вы вѣроятно получите приказы Италинскаго относительно первой супруги Великаго Князя Константина. Чтобы освѣтить это событіе, совѣтую тебѣ обратиться къ депешѣ Министерства, посланной въ Римское посольство, она должна быть и въ вашихъ архивахъ: она получена въ 1820 году. Г. еще не вернулся. Я узналъ, что онъ тоже хочетъ послать свою жену въ Сіенну, а самъ постарается сдать свой домъ англичанамъ, чтобы не имѣть опредѣленнаго мѣста жительства и вести холостой образъ жизни. Воздерживаюсь отъ всякихъ выводовъ. Я занимаюсь главнымъ образомъ приведеніемъ въ порядокъ канцелярскихъ бумагъ, которыя приняли плачевный видъ за время моего отсутствія.

Дождались меня, чтобы собрать и помѣстить ихъ на почетныя мѣста. Вотъ что значитъ приносить пользу отечеству?—Вчера вечеромъ у насъ былъ великолѣпный концертъ любителей, которые исполнили Сотвореніе міра—Гайдна.—Жара стоитъ невыносимая, скука достигла высшихъ предѣловъ. К. окончательно ѣдетъ въ Лондонъ; хотя это еще не офиціально. Гр. Несс. говорила объ этомъ Гагарину.

При этомъ обо мнѣ не было и рѣчи. Сегодня утромъ я послалъ длинное письмо прекрасному персидскому божеству. Я не перестаю вспоминать о ней: это мой добрый геній, который привѣтствуетъ мое пробужденіе, проводитъ цѣлые часы возлѣ меня и не покидаетъ меня среди ночной тишины и спокойствія. Я вспоминая также мадемуазель Аннетъ и г-жу Лотцъ, эти два созданія производятъ на меня впечатлѣніе одной души. Какъ сладко бываетъ встрѣтить въ жизни, въ этомъ мірѣ козней и несправедливости, такихъ милыхъ, добрыхъ я чувствительныхъ особъ. Передай имъ отъ меня самый дружескій привѣтъ и время отъ времени вспоминай съ ними *о мизантропѣ нелюбимомъ или томъ, кто притворяется имъ*, по выраженію мадемуазель Аннетъ, въ сказанномъ ею какъ-то за столомъ; скажи это для того, чтобы онѣ не совсѣмъ изгнали меня изъ своей памяти. Еще попроси г-жу Лотцъ уничтожать лишь злую болтовню, оскорбляющую окно, въ которое льется лунный свѣтъ, располагающій къ такимъ пріятнымъ разговорамъ: пусть она думаетъ, что это Швейцарія въ маломъ видѣ.—Не

нужно присылать мнѣ бритвъ, потому что я завелъ себѣ новыя, но какъ можно скорѣе доставьте мнѣ мои словари и прекраснаго Аксилона.—Остальное—въ печку! Пожалуйста, извѣщайте меня о вашихъ сплетняхъ и развлеченіяхъ; передайте мое низжайшее почтеніе графинѣ Воронцовой, дружеское расположеніе которой, конечно, является однимъ изъ лучшихъ воспоминаній о моемъ пребываніи на водахъ въ Луккѣ. Затѣмъ одѣли привѣтами моихъ знакомыхъ, наугадъ—или громкими фразами, днемъ раньше или днемъ позже—какъ тебѣ заблагоразсудится.

Затѣмъ спроси у мадемуазель Аннетъ, есть ли вѣсти изъ Лозанны. Если встрѣтишь барона *Армитейнъ*, скажи ему, что Бертольди умеръ отъ *ущемленія грыжи*, о которой никогда не хотѣлъ сказать своему врагу. Его бумаги остались нетронутыми. Прусское посольство наложило на нихъ печати.

Прощай. Будь остороженъ и держи въ тайнѣ первую страницу моего письма и половину второй. Прощай, дорогой Рафаэль.

Здоровье мое не хочетъ поправляться. Я чего-то жажду, какъ левъ жаждетъ крови.—

Съ нетерпѣніемъ жду отъ тебя писемъ.

Воскресенье, 14 Августа 1825 года.

Получилъ ли ты извѣстія изъ Лозанны? Ихъ молчаніе начинаетъ меня тревожить.

Твое длинное письмо пришло ко мнѣ аккуратно—вчера утромъ. Я ничего не понялъ въ твоемъ примѣчаніи, это вѣроятно новая сплетня многорѣчиваго общества города Флоренці. Не нужно обращать на это вниманія. Я далъ тебѣ хотя сжатый, но точный отчетъ о моемъ свиданіи съ Ит.

Старикъ поправляется, ѣздитъ гулять, очень хорошо ко мнѣ относится. Положись на меня, дорогой Рафаэль, если не на мою мудрость, то на мою искренность. Вотъ письмо, которое я посылаю г-жѣ Мену, и я хочу, чтобы ты зналъ его содержаніе. Потомъ ты его запечатаешь, а если хочешь, предварительно покажи его разсудительной г-жѣ Воронцовой.

Другое письмо, къ Демидову, тоже не запечатано. Конецъ его касается тебя. Передай его по назначенію, если его содержаніе соотвѣтствуетъ твоимъ взглядамъ и желаніямъ. Если нѣтъ—не надо! Здѣсь много говорятъ о смерти бѣднаго Бертольди. Это былъ очень умный и образованный человекъ. Передъ смертью ему предлагали принять католичество, но онъ отвѣчалъ, что уже перемѣнилъ одинъ разъ вѣро-

исповѣданіе (онъ по происхожденію еврей и принялъ протестантство), онъ не имѣетъ желанія во второй разъ сдѣлать отреченіе; что къ тому же, по его мнѣнію, всѣ религіи лицемѣрны, и что если онъ предпочелъ протестантское вѣроисповѣданіе другимъ, такъ потому, что считалъ его болѣе подходящимъ для общественнаго развитія.

Съ этими словами онъ умеръ, до послѣдняго вздоха сохранивъ изумительную ясность ума, твердость характера и память.

Новый Сократъ, онъ бесѣдовалъ съ друзьями о своей смерти, спокойно и съ глубокимъ смиреніемъ считалъ минуты, которыя должны были соединить его съ вѣчностью. Эта печальная замѣтка можетъ дополнить то, что желалъ имѣть Арнштейнъ, но нужно соблюдать осторожность, чтобы не прожужжать ему уши словомъ „еврей“. потому что и онъ самъ—дитя двѣнадцати колѣнъ Израильскихъ. Не огорчайся особенно моей тоской, дорогой Рафаэль; это дѣло преходящее, она зависить единственно отъ бездѣлья и уединенія, въ которомъ я нахожусь: все можетъ измѣниться во мгновение ока.

Новый адресъ.... Флоренція.... *Дозанна!*.... и Геркулесовы столбы! Я читаю воспоминанія кардинала де Ризизъ. Какой мятежный кардиналъ! Читаю вперемежку съ Путешествіемъ вокругъ моей комнаты, книгой, единственной въ своемъ родѣ. Веселись на водахъ въ Луккѣ. Завидую твоей счастливой участи. Передай миліонъ любезностей мадемуазель Аннетъ и г-жѣ Лотцъ. Я не въ силахъ больше расточать похвалы этимъ особамъ въ своемъ письмѣ, я боюсь имъ надоѣсть.

Воображаю тебя лежащимъ подъ гроздьями винограда и смородины, съ большимъ кускомъ чернаго хлѣба во рту. *Дарлингъ* смотритъ на тебя, виляя хвостомъ.—Остальныя подробности картины вызовутъ слишкомъ тяжелыя воспоминанія, и я обойдусь безъ нихъ. Г. все еще не вернулся. Сѣгодня въ Сиенѣ большое празднество, онъ развлекается. Его жена очаровательна, но очень грустна. Прощай, дорогой Рафаэль, мнѣ нечего больше прибавить къ этому письму, кромѣ просьбы передать мое нижайшее почтеніе гр. Воронцовой. Можетъ быть, она будетъ ликовать, узнавши, что мнѣ такъ скучно и гадко. Въ слѣдующій разъ я отложу въ сторону служебный долгъ и постараюсь воспользоваться временемъ, чтобы заслужить ея милостивое расположеніе.

Какъ идегъ гранъ-пасьянсъ? Я дѣлаю его безъ картъ, *совершенно одинъ*. Прощай.

